

Предикторы проактивного преодоления на этапе ранней взрослости: кросс-культурное исследование

Куфтяк Е.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХИГС),
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>, e-mail: elena.kuftyak@inbox.ru*

Бехтер А.А.

*Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО ТОГУ),
г. Хабаровск, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1017-558X>, e-mail: behter2004@mail.ru*

Филатова О.А.

*Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО ТОГУ),
г. Хабаровск, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4948-3678>, e-mail: 0409800911@mail.ru*

Газзаева Н.М.

*Юго-Осетинский Государственный университет им. А.А. Тибилова
(ГАОУ ВПО ЮОГУ им. А.А. Тибилова), г. Цхинвал, Республика Южная Осетия,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3406-9842>, e-mail: qazzaeva70@yandex.ru*

Сиукаева Е.Г.

*Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова
(ГАОУ ВПО ЮОГУ им. А.А. Тибилова), г. Цхинвал, Республика Южная Осетия,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-8309>, e-mail: alex-alan@yandex.ru*

Работа направлена на выявление предикторов проактивного преодоления, а также прямых и косвенных эффектов стратегий реактивного совладания и диспозиционного оптимизма на проактивное преодоление. Представлен материал эмпирического исследования двух выборок — русской и южноосетинской. Выборку из России составили 97 студентов (75 девушек и 22 юноши) в возрасте от 19 до 25 лет ($M_{\text{возр}}=20,31$ лет, $SD_{\text{возр}}=1,80$ лет), а выборку из Южной Осетии — 103 студента из Осетии (57 девушек и 46 юношей) в возрасте от 19 до 25 лет ($M_{\text{возр}}=21,60$ лет, $SD_{\text{возр}}=1,81$ лет). Среди российских респондентов 97% отнесли себя к русским, среди осетинских — 100% отнесли себя к осетинам. Исследование проводилось с помощью Теста диспозиционного оптимизма, Опросника способов копинга и методики «Проактивный копинг». Анализ результатов исследования позволяет говорить, что антипредикторами проактивного преодоления для русской молодежи являются фантазирование и надежда на внешние силы, а предикторами — обращение за помощью к социальному окружению и противостояние. Анализ медиации показал, что противостояние ослабляет у них взаимосвязи между фантазированием

Куфтяк Е.В., Бехтер А.А., Филатова О.А. и др.
Предикторы проактивного преодоления на этапе
ранней взрослости: кросс-культурное исследование
Клиническая и специальная психология
2023. Том 12. № 2. С. 164–191.

Kuftyak E.V., Bekhter A.A., Philatova O.A. et al.
Predictors of Proactive Coping in Early Adulthood:
A Cross-Cultural Study
Clinical Psychology and Special Education
2023, vol. 12, no. 2, pp. 164–191.

и проактивным преодолением. Для южноосетинской молодежи значимыми предикторами проактивного преодоления выступают пол и противостояние; в анализе медиации противостояние подавляет самообвинение, но усиливает обращения за помощью к социальному окружению в реализации проактивного преодоления. По сравнению с осетинскими мужчинами осетинские девушки менее склонны к противостоянию и, соответственно, не выстраивают проактивное преодоление на его основе. Таким образом, у русской молодежи в отношении проактивного преодоления противостояние ослабляет эффект фантазирования и надежды на внешние силы, а у осетинской — самообвинения.

Ключевые слова: реактивно-проактивное совладающее поведение, молодежь, проактивное преодоление, диспозиционный оптимизм, противостояние, самообвинение, ранняя взрослость, кросс-культурные различия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия, проект № 21-513-07004 «Совладание с вызовами сложности изменяющегося мира в период ранней взрослости (молодости)».

Для цитаты: Куфтяк Е.В., Бехтер А.А., Филатова О.А., Газзаева Н.М., Сиукаева Е.Г. Предикторы проактивного преодоления на этапе ранней взрослости: кросс-культурное исследование [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2023. Том 12. № 2. С. 164–191. DOI: 10.17759/cpse.2023120208

Predictors of Proactive Coping in Early Adulthood: A Cross-Cultural Study

Elena V. Kuftyak

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>, e-mail: elena.kuftyak@inbox.ru

Anna A. Bekhter

Pacific National University, Khabarovsk, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1017-558X>, e-mail: behter2004@mail.ru

Olesja A. Philatova

Pacific National University, Khabarovsk, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4948-3678>, e-mail: 0409800911@mail.ru

Natalya M. Gazzaeva

South Ossetion State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3406-9842>, e-mail: qazzaeva70@yandex.ru

Elena G. Siukaeva

*South Ossetion State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-8309>, e-mail: alex-alan@yandex.ru*

This work is aimed at identifying predictors of proactive coping as well as direct and indirect effects of reactive coping strategies and dispositional optimism on proactive coping. The data of empirical research of two samples, Russian and South Ossetian, is presented. The sample from Russia consisted of 97 students (75 women and 22 men) between the ages of 19 and 25 (Mage=20.31 years, SDage=1.80 years), and the sample from South Ossetia consisted of 103 students from Ossetia (57 women and 46 men) between the ages of 19 and 25 (Mage=21.60 years, SDage=1.81 years). Among the Russian respondents 97% identified themselves as Russians, among the Ossetian respondents 100% identified themselves as Ossetians. The study was conducted using the Life Orientation Test, the Coping Ways Questionnaire and the Proactive Coping Questionnaire. Analysis of the results suggests that fantasizing and relying on outside forces contribute negatively to Russian youth's proactive coping, while both seeking help from their social environment and confrontation contribute positively. Mediation analysis showed that confrontation weakens the relationship between fantasizing and proactive coping. For South Ossetian youth, gender and confrontation were significant predictors of proactive coping; in mediation analysis, confrontation suppressed self-blaming but increases the appeal for help to the social environment in the implementation of proactive coping. Ossetian young women, compared to Ossetian men, are less prone to confrontation and, consequently, do not build proactive coping around it. Thus, in terms of proactive overcoming, confrontation weakens the effect of fantasy and hopes for external forces among Russian youth, and self-blame among Ossetia youth.

Keywords: reactive-proactive coping behavior, youth, proactive coping, dispositional optimism, confrontation, self-blame, early adulthood, cross-cultural differences.

Funding. The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia, project no. 21-513-07004 “Coping with the challenges of the complexity of a changing world in early adulthood (youth)”.

For citation: Kuftyak E.V., Bekhter A.A., Philatova O.A., Gazzaeva N.M., Siukaeva E.G. Predictors of Proactive Coping in Early Adulthood: A Cross-Cultural Study. *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiiia=Clinical Psychology and Special Education*, 2023. Vol. 12, no. 2, pp. 164–191. DOI: 10.17759/cpse.2023120208 (In Russ., abstr. In Engl.)

Введение

Этап ранней взрослости — это время важных перемен в различных сферах жизни. Эти изменения связаны с постановкой жизненных целей, реализация которых дает чувство удовлетворенности личной жизнью, партнерскими отношениями, образованием и профессиональным становлением [13; 18; 19]. Но они могут стать источником стресса, что несет риски для здоровья и благополучия молодежи.

Трудности, связанные со вступлением во взрослость, могут быть разнообразными. Молодые люди впервые покидают родительский дом в связи с переездом к новому месту учебы, им приходится жить с незнакомыми людьми и самостоятельно организовывать свой быт; они должны стать независимыми от своей семьи, начать собственную карьеру. Одновременное решение множества задач влияет на социальное функционирование, что ведет к утрате чувства безопасности и устойчивости в социуме. Исследования показали, что молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, склонны к развитию депрессивных симптомов, и это отражается в повышенном риске самоповреждений, злоупотреблении психоактивными веществами, в проблемах с социальной адаптацией, в снижении образовательных и профессиональных результатов [2; 6; 11; 17; 28].

Накопление невыполняемых задач в период ранней взрослости усиливает воспринимаемый стресс. Воспринимаемый стресс означает, что человек испытывает трудности в удовлетворении потребностей в важных сферах жизни [34]. Согласно транзактной теории стресса и копинга, стресс определяется как результат взаимодействия между человеком и окружающей средой [26]. Совладающее поведение рассматривается как когнитивные и поведенческие усилия, предпринимаемые для удовлетворения конкретных потребностей (внешних и/или внутренних), которые, как считается, повышают ресурсы субъекта. В современных исследованиях изучается реактивно-проактивное совладающее поведение, включающее комплекс стратегий, которые использует человек в текущих трудных ситуациях или в ситуациях грядущей угрозы [5; 6; 33]. Реактивное совладание включает серию действий или мыслительные процессы, ориентированные на решение стрессовой ситуации или на изменение личной реакции на нее в настоящем и прошлом времени. То есть нейтрализация негативных последствий ситуации делает совладание реактивным по определению. Оценка будущих целей и подготовка условий для их успешного достижения являются ключевым компонентом в проактивном совладании с трудностями [15; 32]. С этой позиции функцией проактивного совладания является саморазвитие и приобретение новых навыков, а функцией реактивного — уменьшение или нейтрализация негативных эмоций. Разграничить в реальности стратегии реактивного и проактивного совладания затруднительно, поскольку эти когнитивные и поведенческие усилия могут не отличаться друг от друга, но функции, которые они выполняют, различны. И все же в проактивном совладающем поведении можно выделить четыре особенности, которые отличают его от реактивного: объединение стратегий планирования с регуляцией достижения поставленных целей; достижение целей с использованием социальных ресурсов; использование эмоционального совладания ради достижения поставленных целей; ориентация на будущее как временную перспективу [5; 20].

По данным исследований, удовлетворенность жизнью у студентов положительно коррелирует с копингами, ориентированными на решение задач и на избегание, и отрицательно — с копингом, ориентированным на эмоции [22]. Также была установлена положительная связь между удовлетворенностью жизнью и выбором стратегий, ориентированных на решение проблем и поиском социальной поддержки у студентов [25]. В некоторых исследованиях показано, что выбор таких стратегий, как отрицание, самообвинение и употребление психоактивных веществ, может быть сопряжен с проявлением депрессии и тревоги у студентов в возрасте 18–24 лет,

тогда как выбор стратегий планирования и позитивного переосмысления больше характерен для эмоционально устойчивых студентов [28].

Оптимизм как индивидуальная переменная отражает степень, в которой люди придерживаются обобщенных благоприятных ожиданий в отношении своего будущего [29]. Он указывает на способность справляться с жизненными трудностями, помогает сохранять чувство равновесия в любых условиях. В этом смысле оптимизм отражает позитивные ожидания человека в отношении будущего [27], что влияет на мировоззрение и поведение человека. Некоторые исследования подтверждают косвенное влияние оптимизма на совладающее поведение человека и на его адаптацию в целом [10].

Многочисленными исследованиями показано, что оптимистично настроенные люди в большинстве случаев могут корректировать стратегии совладания в соответствии с требованиями имеющихся стрессоров [31]. Такая гибкость делает их в целом более успешными в управлении эмоциями. В целом оптимизм оказывает влияние на стратегии совладания и воспринимаемую удовлетворенность жизнью у студентов [22]. По мнению исследователей, оптимистично настроенные молодые люди имеют более сложный набор целей для достижения, в связи с чем они выбирают такое поведение, которое с большей вероятностью приведет к достижению цели по сравнению с их сверстниками–пессимистами. То есть студенты, которые уверены и оптимистичны в отношении своих будущих достижений, проявляют бóльшую настойчивость при попытке добиться целей, даже когда сталкиваются с трудностями [23; 24; 31]. Следует отметить, что оптимизм играет важную роль в повышении способности учащихся адаптироваться к новым образовательным условиям. Так, оптимизм помогает студентам легче переносить психологический стресс и увеличивает субъективно воспринимаемый уровень социальной поддержки [21; 30].

Немаловажным для выбора стратегий совладания является присутствие в социальной среде культурных сигналов, что активизирует знание культуры и интерпретацию социального мира. В итоге это позволяет молодым людям действовать сообразно принятым культурным ценностям и правилам. В разных культурах существуют разные нормы, ценности и ожидания, которые индивид усваивает в процессе социализации. Один из способов изучения онтогенеза совладающего поведения — это изучение стратегий совладания, используемых для удовлетворения ожиданий с учетом культуры [1; 12]. Несмотря на многочисленные исследования стресса и совладания с ним, существуют лишь несколько исследований, посвященных культурным стратегиям совладания [3; 8; 14; 16]. Ряд исследователей указывает на важность культурных стратегий совладания в отношении психологической адаптации.

Мы обратились к работам, описывающим традиционные ценности и культуру осетин, современные тенденции развития представлений о жизни и поведении молодежи из Северной и Южной Осетии. Ряд авторов обращает внимание, что уклад жизни южных и северных осетин сопряжен с понятием традиционного поведения в различных ситуациях [12; 16]. Так, стремление к проявлению индивидуализации в поведении у кавказских народов может подавляться феноменом «правильного поведения» (в том числе преодоления трудностей), принятым в культурной среде, за

которым стоят доминирующие в культурной среде Кавказа социальный контроль и критика. Такое противоречие между «личным» и «социальным» мы учли в отборе предикторов, изучаемых в данной статье, выбрав реактивные стратегии социальной поддержки и индивидуальных реакций на стресс (фантазирование, самообвинение, противостояние), а также диспозиционный оптимизм как общий показатель отношения к будущему.

В исследовании национальных особенностей представителей осетинского этноса, отмечаются сильная связь с прошлым, стремление сохранять традиционные ценности, консерватизм и устойчивость социальных институтов [12], что указывает на связь выявленных особенностей с этногенезом осетин и доминирование стремления к групповой сплоченности. Исследование представлений у молодого поколения осетин о национальном характере выявило значимые качества, которые присущи «настоящим» осетинам. Так, ими были указаны такие качества, как патриотизм, оптимизм, смелость, мужественность, доброта, воспитанность и семейность, трудолюбие и гордость, способность чувствовать и фантазировать. По мнению З.В. Султановой и М.З. Газзаевой, русская культура обнаруживает тенденцию к индивидуализму, в противовес осетинской, которая ориентирована на коллективизм [16], что указывает на значимость социальной идентичности у осетин, а не личностной.

Социально-политические события, происходящие в Южной Осетии, привели к своеобразному духовному кризису осетин, который повлек за собой изменения в личностной и поведенческой сферах. Так, у них отмечаются проявление пассивной жизненной позиции, тенденция к уходу от ответственности за жизненные ситуации. У южных осетин стремление к уединению связано со склонностью отдаляться от социального успеха, чаще возникают переживания о материальном достатке на фоне неверия в возможность быть счастливым [16]. Исследование копинг-стратегий продемонстрировало различия между представителями России и Северной Осетии: у русских выражен активный проблемно-ориентированный стиль решения проблем, у осетин — эмоционально-ориентированный копинг. Отметим, что русские чаще прибегают к стратегии «социального отвлечения» и «отвлечения» в сравнении с осетинами, которые предпочитают уединяться со своими переживаниями, отрицают трудные ситуации, стараются от них дистанцироваться [3]. При этом для осетин в большей степени характерно самоуважение в отличие от русских, более выраженно проявляющих уважение к другим [3].

В «ковидный» и «постковидный» периоды стала более распространена общая тенденция российской молодежи к протестному поведению (перформансам, флэш-мобам, инсталляциям, подписанию коллективных протестных обращений, петиций). Этот факт интересен с точки зрения изучения противостояния как своеобразной активной позиции русской молодежи и его влияния на проактивное совладание. Военные конфликты, потрясавшие Южную Осетию с 1990-х годов, не могли не сказаться на мировоззрении и поведенческих особенностях молодого поколения. В связи с этим исследование совладающих особенностей (в том числе и тенденций к противостоянию) и отношения к будущему, формирующихся в условиях послевоенной Южной Осетии, представляет интерес для авторов. Противостояние как стратегия молодежи, ориентированная на борьбу с трудностями «до победного конца», может быть объединяющим элементом исследования в разных этносах.

Поэтому противостояние в качестве медиатора было выбрано нами не случайно, а с целью прояснить его роль в проактивном совладании молодежи двух стран. На протяжении 2015–2023 годов авторами статьи изучаются психологические, ситуативные и социокультурные аспекты становления совладающего поведения у детей, подростков и молодых людей в контексте интеграции разных механизмов преодоления трудностей.

Цель текущего исследования — определить предикторы (фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за поддержкой к социальному окружению, противостояние, самообвинение, диспозиционный оптимизм) и их степень влияния на проактивное преодоление у русской и южноосетинской молодежи; определить косвенные эффекты реактивных стратегий (фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за поддержкой к социальному окружению, самообвинение, диспозиционный оптимизм), опосредованные противостоянием, на проактивное преодоление молодежи.

Гипотеза включала два предположения: 1) существуют особенности влияния реактивных стратегий (фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за поддержкой к социальному окружению, самообвинение) и диспозиционного оптимизма на проактивное преодоление у молодежи разных этносов; 2) существуют особенности косвенных эффектов (прямых или частичных) реактивных стратегий и диспозиционного оптимизма на проактивное преодоление у молодежи разных этносов, опосредованные противостоянием.

Методы

Процедура. Сбор данных осуществлялся с использованием Google Forms и бланковых версий опросников. Ссылка на Google Forms распространялась через почты участников и социальные сети, бланковые версии — в учебных заведениях. Исследование было согласовано с руководством вузов на предмет этической стороны содержания материала опросников. Опрос проходил в один этап, ограничений по времени заполнения методик не ставилось. Участие в исследовании было добровольным, поэтому на сбор данных авторам потребовалось около трех месяцев.

Выборка. Выборку составили 97 студентов из России (75 девушек и 22 юноши) в возрасте от 19 до 25 лет ($M_{\text{возр}}=20,31$ лет, $SD_{\text{возр}}=1,80$ лет) и 103 студента из Южной Осетии (57 девушек и 46 юношей) в возрасте от 19 до 25 лет ($M_{\text{возр}}=21,60$, $SD_{\text{возр}}=1,81$). Среди российских респондентов 97% отнесли себя к русским, среди осетинских — 100% отнесли себя к осетинам. Выборки были неоднородны по гендерному составу, но по возрасту не имели отличий. Мы учли эти ограничения при анализе данных.

В исследовании приняли участие студенты различных направлений специализации (гуманитарное, техническое, экономическое), обучающихся в российских вузах Москвы (40 человек), Санкт-Петербурга (15 человек), Ярославля (7 человек), Екатеринбурга (26 человек), Хабаровска (9 человек); Южноосетинском вузе Цхинвали (103 человека).

Методики

1. *Опросник диспозиционного оптимизма* (LOT; в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина [9]) применялся для изучения позитивных и негативных ожиданий от будущего. Результаты опросника оцениваются интервальной шкале и требуют перевода в стандартизированные оценки.

2. *Опросник способов копинга* (CWQ; в адаптации Е.В. Битюцкой [7]) использовался для изучения реактивных копинг-стратегий. Методика позволяет оценить выраженность следующих способов совладания: Планомерное решение проблемы, Обращение за поддержкой к социальному окружению, Положительная переоценка, Противостояние, Самоконтроль, Самообвинение, Фантазирование и надежда на внешние силы, Дистанцирование, Уход, избегание. Результаты методики оцениваются также по интервальной шкале.

3. *Опросник «Проактивный копинг»* (в адаптации Е.П. Белинской и А.В. Вечерина [4]) предназначался для изучения стратегий проактивного совладания, описываемых шестью шкалами: Проактивное совладание (стратегия предвосхищения стрессора и попытка «заблаговременного» совладания с выстраиванием стратегической траектории жизненных событий), Рефлексивное совладание (размышление о возможных поведенческих альтернативах путем сравнения их возможной эффективности), Стратегическое планирование (создание четко продуманного, целеориентированного плана действий), Превентивное совладание (стратегия наращивания ресурсов, которые потребуются в будущем), Поиск инструментальной поддержки (действия, ориентированные на получение советов, информации и отзывов от людей в социальных сетях при стрессе), Поиск эмоциональной поддержки (регулирование временного эмоционального дистресса через получение сочувствия от других, в том числе и через социальные сети). Результаты теста оцениваются по интервальной шкале.

Анализ данных. Обработка данных осуществлялись с помощью статистического пакета Jamovi v. 2.3.6, пакетов GLM и SEM. Применялись методы описательной статистики, тест Шапиро–Уилка для оценки нормальности распределения, коэффициент α -Кронбаха для оценки надежности–согласованности шкал, t-критерий Стьюдента, d Коэна для оценки размера эффекта; также проводились иерархический регрессионный анализ и анализ медиации. В иерархической регрессии для каждой из выборок в качестве зависимой переменной выступило проактивное преодоление, в качестве независимых — фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за поддержкой к социальному окружению, противостояние, самообвинение, диспозиционный оптимизм. В анализе медиации для каждой из выборок в качестве медиатора связей вышеперечисленных переменных было выбрано противостояние.

Результаты

Прежде всего мы проанализировали описательные статистики и надежность–согласованность применяемых методик для обеих выборок (российской и южноосетинской) отдельно (см. Приложения 1 и 2). Несмотря на то, что полученные показатели по тесту Шапиро–Уилка указывают не в пользу нормального

распределения, асимметрия и эксцесс исследуемых параметров не превышают диапазон от -2 до 2, что говорит об околонормальном распределении данных. Коэффициент α -Кронбаха говорит об удовлетворительной надежности–согласованности всех шкал. Нами были проверены статистики коллинеарности в иерархической регрессии, чтобы предотвратить ситуацию пересечения независимых переменных. Значения показателя VIF в иерархической регрессии варьировались в диапазоне 1,0–1,3 в русской выборке и в диапазоне 1,1–1,5 — в осетинской, что указывает на отсутствие высокой корреляции между предикторами в модели. На основе сравнения по t-критерию Стьюдента и размеру эффекта установлено, что выборки достоверно различаются по выбору стратегий поиска инструментальной поддержки, обращения за помощью к социальному окружению и противостояния (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты сравнительного анализа выборок студентов
 из России и Южной Осетии (n=200)**

Параметры	t	d	p
1. Позитивные ожидания от будущего	-0,36	0,05	0,737
2. Негативные ожидания от будущего	0,01	0,00	0,991
3. Общий показатель диспозиционного оптимизма	-0,18	0,03	0,855
4. Проактивное совладание	-0,03	0,00	0,976
5. Рефлексивное совладание	0,10	0,01	0,917
6. Стратегическое планирование	0,81	0,11	0,419
7. Превентивное совладание	-0,32	0,05	0,745
8. Поиск инструментальной поддержки	2,53	0,35	0,012
9. Поиск эмоциональной поддержки	1,87	0,26	0,062
10. Планомерное решение проблемы	-0,98	0,14	0,331
11. Обращение за поддержкой к социальному окружению	2,42	0,34	0,016
12. Позитивная переоценка	0,12	0,02	0,907
13. Противостояние	-2,79	0,37	0,005
14. Самоконтроль	-0,42	0,05	0,678
15. Самообвинение	-0,10	0,01	0,919
16. Фантазирование и надежда на внешние силы	-1,31	0,18	0,191
17. Дистанцирование	-1,58	0,04	0,126
18. Уход, избегание	1,43	0,20	0,154

Примечание: t — критерий Стьюдента, d — размер эффекта, p — уровень значимости.

Осетинская молодежь чаще, чем российская, выбирает стратегию противостояния. По сравнению с осетинами у россиян преобладают показатели по шкале обращения за социальной поддержкой к окружающим и за профессиональной помощью для решения проблем, а также по шкале поиска необходимой информации для решения проблемного вопроса. Что касается полоспецифичных различий, таковых не было обнаружено ни по одному из оцениваемых параметров.

Выявленные различия были учтены при выборе предикторов для проактивного преодоления в последующих анализах. В качестве зависимой переменной было выбрано проактивное преодоление, в качестве независимых — пол (женщины по отношению к мужчинам), возраст, общий показатель диспозиционного оптимизма и стратегии: фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за помощью к социальному окружению, противостояние, самообвинение. Мы предположили, что проактивное преодоление предсказывает одна или несколько независимых переменных под контролем других (в частности, пола и возраста) (табл. 2). На первом шаге нами были проконтролированы демографические переменные — пол и возраст — для каждой выборки; на втором — введены стратегии «фантазирование и надежда на внешние силы», «обращение за помощью к социальному окружению», «противостояние»; на третьем — добавлены переменные «самообвинение» и общий показатель диспозиционного оптимизма.

Таблица 2

Результаты иерархического регрессионного анализа предикторов проактивного преодоления у студентов из России и Южной Осетии

Переменные	R		β		Показатели модели	
	Россия	Южная Осетия	Россия	Южная Осетия	Россия	Южная Осетия
1 этап						
Пол	-0,37	-0,18	-0,08	-0,05	F=0,25;	F=0,02;
Возраст	0,07	0,00	-0,11	0,00	R _{adj} =-0,13;	R _{adj} =-0,02*;
					ΔR ² =0,23***	ΔR ² =0,04*
2 этап						
Пол	-0,31	-2,04	0,09	-0,53		
Возраст	-0,11	0,08	-0,12	0,05		
Фантазирование и надежда на внешние силы	0,01	-0,16	-0,29**	-0,18	F=5,92;	F=3,12;
Обращение за помощью к социальному окружению	0,26	0,07	0,31**	0,07	R _{adj} =0,19***;	R _{adj} =0,10**;
Противостояние	0,44	0,51	0,36**	0,41***	ΔR ² =0,02***	ΔR ² =0,11***
3 этап						
Пол	-0,45	-2,20	-0,13	-0,57*		
Возраст	-0,10	0,04	-0,10	0,03	F=5,92;	F=2,67
Фантазирование и надежда на внешние силы	-0,29	-0,17	-0,33**	-0,19	R _{adj} =0,20***;	R _{adj} =0,08**;
					ΔR ² =0,01*	ΔR ² =0,05*

Обращение за помощью к социальному окружению	0,25	-0,12	0,29**	-0,12
Противостояние	0,45**	0,48	0,37**	0,39**
Самообвинение	0,13	-0,06	0,09	-0,04
Общий показатель ДО	0,07	-0,00	0,12	-0,01

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; ДО — диспозиционный оптимизм; β — нестандартизованный коэффициент регрессии, β — стандартизованный коэффициент регрессии, R_{adj} — скорректированный коэффициент детерминации R^2 , F — показатель общей значимости предиктора, ΔR^2 — дельта коэффициент сравнения моделей.

По результатам регрессионного анализа отмечено, что в выборке русских студентов демографические характеристики не оказывают влияния на проактивное преодоление, в отличие от осетинской выборки, где значимый вклад на последнем этапе регрессии в проактивное преодоление вносит фактор пола. Наибольшее положительное влияние на проактивное преодоление у русской молодежи имеет противостояние, как и у южноосетинской. Вторым по значимости предиктором проактивного преодоления у русских студентов фантазирование и надежда на внешние силы как пассивный копинг и вносит отрицательный вклад. У южноосетинской выборки этот предиктор не оказался значимым. Замыкает список предикторов проактивного преодоления в русской выборке обращение за помощью к социальному окружению. У осетин этот предиктор не проявился в качестве значимого. В целом, прирост R_{adj} в русской выборке показывает, что изменчивость проактивного преодоления, обусловленная выделенными предикторами (фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за помощью к социальному окружению, противостояние) объясняет на последнем шаге регрессии 20% дисперсии проактивного преодоления. На последнем шаге в осетинской выборке значение R_{adj} уменьшилось (по сравнению со вторым этапом регрессии), а такие предикторы, как пол (отрицательный вклад) и противостояние (положительный вклад), совокупно объясняют всего 8% дисперсии проактивного преодоления.

Для оценки косвенного и прямого эффектов влияния выбранных нами переменных-предикторов на проактивное преодоление был проведен анализ медиации. Мы предположили, что медиатором может быть противостояние, так как в обеих выборках эта стратегия оказалась достаточно выраженным предиктором. Более того, противостояние как паттерн относится к двум видам копинга (эмоционально-ориентированному и проблемно-сфокусированному) и содержит в себе проактивную направленность — бороться с обстоятельствами и идти вперед через трудности. Мы полагаем, это одна из ключевых стратегий, которая может характеризовать современную молодежь, учитывая ее склонность находиться под влиянием эха подросткового максимализма.

Переменные «фантазирование и надежда на внешние силы», «обращение за помощью к социальному окружению», «противостояние», «самообвинение» и общий показатель диспозиционного оптимизма были центрированы (из каждой переменной вычитается ее среднее по выборке). На рисунке 1 схематично представлен анализ медиации.

Рис. 1. Анализ медиации параметров реактивно-проактивного преодоления и диспозиционного оптимизма

Полученная общая модель для двух выборок показала хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2=13,99$, $df=11$, $p=0,233$; $CFI=0,990$ и $TLI=1,450$; $SRMR=0,020$; $RMSEA=0,000$ [95% ДИ: 0,000–0,090). Но отдельные аналогичные модели для двух выборок не так хорошо соответствуют данным в части $RMSEA$, который должен быть менее 0,80. Так, коэффициенты модели русской молодежи составили: $\chi^2=1,12$, $df=5$, $p=0,924$; $CFI=0,990$ и $TLI=1,000$; $SRMR=0,020$; $RMSEA=0,850$ [95% ДИ: 0,000–0,090), а для модели осетинской молодежи — $\chi^2=1,35$, $df=5$, $p=0,925$; $CFI=0,950$ и $TLI=0,990$; $SRMR=0,010$; $RMSEA=0,620$ [95% ДИ: 0,000–0,040). Относительно слабое согласие модели с точки зрения индекса $RMSEA$ на данных русской выборки мы объясняем малым объемом выборки для построения путевой модели и ее разнородностью. Тем не менее остальные индексы говорят в пользу права существования представленной модели медиации.

Так как в анализе медиации установлена последовательность связей переменных, мы пытаемся объяснить не прямые эффекты выбранных предикторов (фантазирование и надежда на внешние силы, диспозиционный оптимизм, пол, обращение за социальной поддержкой и самообвинение). Непрямой эффект оценивался по уровню значимости p и соотносился с прямым эффектом. При включении медиатора (непрямой эффект) в цепь анализа предикторы должны оставаться значимыми; при отсутствии медиатора (прямой эффект) — предикторы могут быть значимыми в случае частичной медиации и незначимыми в случае полной медиации. Именно эти коэффициенты прямого воздействия позволяют сделать вывод о том, что выбранные предикторы показали себя как «неполные» медиаторы, то есть их влияние ограничено (табл. 3).

При включении медиатора в модель (непрямой эффект) у русской выборки оказались значимыми обращение за социальной поддержкой и фантазирование и надежда на внешние силы; а у осетин — большее количество предикторов: пол, самообвинение и обращение за социальной поддержкой. При оценке прямых эффектов у русской молодежи с частичным эффектом медиации остается только

один предиктор — фантазирование и надежда на внешние силы, а у осетинской выборки — два предиктора с полным эффектом медиации: самообвинение и обращение за социальной поддержкой.

Таблица 3

Прямые и непрямые эффекты влияния противостояния как медиатора связей между реактивными стратегиями, полом и проактивным преодолением у студентов из России и Южной Осетии

Переменные	β	95% ДИ	z	p
Русская выборка				
Непрямой эффект				
ОСП \Rightarrow ПС \Rightarrow ПРО	0,11	0,02–0,17	2,37	0,017
ФН \Rightarrow ПС \Rightarrow ПРО	0,12	-0,02–0,19	2,38	0,017
Прямой эффект				
ОСП \Rightarrow ПРО	0,29	0,07–0,41	2,73	0,006
ФН \Rightarrow ПРО	-0,21	-0,37–0,01	-1,84	0,004
Южноосетинская выборка				
Непрямой эффект				
Пол \Rightarrow ПС \Rightarrow ПРО	0,17	0,44–2,20	2,94	0,007
СО \Rightarrow ПС \Rightarrow ПРО	0,11	0,01–0,31	2,02	0,053
ОСП \Rightarrow ПС \Rightarrow ПРО	0,14	0,04–0,25	2,66	0,016
Прямой эффект				
Пол \Rightarrow ПРО	-0,26	-0,35--3,65	-2,38	0,033
СО \Rightarrow ПРО	-0,08	-0,45–0,23	-0,63	0,688
ОСП \Rightarrow ПРО	0,12	-0,09–0,33	1,14	0,512

Примечание: ОСП — обращение за поддержкой к социальному окружению, ПС — противостояние, СО — самообвинение, ФН — фантазирование и надежда на внешние силы, ПРО — проактивное преодоление. β — стандартизованный коэффициент регрессии; 95% ДИ — диапазон стандартизованных коэффициентов регрессии при доверительном интервале в 95%; z — стандартизованное значение; p — уровень значимости.

Обращает внимание на себя тот факт, что знаки коэффициентов предикторов различаются в прямом и непрямом эффектах. Эта ситуация указывает на то, что медиатор противостояние является для таких переменных супрессором [38], то есть подавляющим фактором. Так, стратегия фантазирование и надежды на внешние силы для русской молодежи не только оказывает отрицательное влияние на проактивное преодоление, но и ослабевает при наличии противостояния; а обращение за социальной поддержкой, напротив, усиливается противостоянием. У осетинской выборки самообвинение отрицательно влияет на проактивное

преодоление, и этот отрицательный эффект существенно усиливается при наличии противостояния. Обращение за помощью у осетин также усиливается противостоянием, что говорит о полном медиационном эффекте. У осетинских женщин противостояние менее выражено, соответственно, осетинские мужчины в большей степени склонны противостоять и тем самым усиливать свои проактивные стратегии.

Таким образом, противостояние не дает развиваться фантазированию и надежде на внешние силы у русской молодежи и подавляет самообвинение — у южноосетинской. В русской и осетинской выборках потребность в социальной поддержке только возрастает с противостоянием для последующего выстраивания проактивного преодоления. Спецификой осетинской выборки является то, что женщины в отличие от мужчин не используют стратегию противостояния для развития проактивного преодоления.

Обсуждение результатов

Проведенные нами регрессионный анализ и анализ медиации позволили выделить вес и наличие значимых предикторов для каждой из выборок, а также определить содержание общего эффекта для некоторых предикторов.

Для русской и южноосетинской молодежи пол и возраст не оказывают значимого влияния без других предикторов. Введенные на втором шаге фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за помощью к социальному окружению и противостояние проявили себя на данных русской выборки как значимые предикторы и сложились в относительно согласованную модель. Стоит отметить, что на втором шаге у осетин проявился только один предиктор — противостояние, но коэффициенты согласия модели оказались приемлемыми. На третьем шаге были введены самообвинение и общий показатель диспозиционного оптимизма, которые не смогли проявить себя в качестве предикторов проактивного преодоления ни у русских студентов, ни у осетин. Обращает на себя внимание тот факт, что на втором шаге регрессии показатели коэффициентов значимых предикторов у русской выборки были меньше, чем на третьем. Мы полагаем, что самообвинение и общий показатель диспозиционного оптимизма могут усиливать коэффициенты других предикторов. На третьем шаге включение самообвинения и общего показателя диспозиционного оптимизма в модель осетинских студентов увеличило отрицательное значение коэффициента предиктора пола — женщин по отношению к мужчинам (обнаружился большой отрицательный вклад предиктора пола). То есть наличие в выборке осетин женщин будет отрицательно воздействовать на зависимую переменную, а именно снижать показатели проактивного преодоления. Это может быть связано с тем, что в осетинской выборке больше мужчин, чем женщин. Таким образом, включение в модель таких супрессоров, как самообвинение и диспозиционный оптимизм, сделало значимым фактор пола, но уменьшило влияние противостояния на проактивное преодоление. Стратегия противостояния оказалась вторым по значимости предиктором для осетин при приемлемом коэффициенте согласия модели.

Анализ медиации показал, что у русских студентов противостояние подавляет фантазирование при воздействии на проактивные стратегии. Учитывая, что

стратегия противостояния содержит выраженный эмоциональный эффект, воздействие такого пассивного копинга, как фантазирование, вероятно, помогает снижать страх и тревогу перед будущими событиями. Но учитывая смену знаков предиктора «фантазирование» в прямом и непрямом эффектах, мы должны обозначить противостояние как *супрессор*, то есть предиктор, подавляющий действие фантазирования по отношению к проактивному преодолению. В иерархической регрессии и на уровне прямого эффекта фантазирование вносит отрицательный вклад в проактивное преодоление, но с появлением противостояния вклад становится положительным. Для обращения за социальной поддержкой, опосредованного противостоянием, выявлен частичный медиационный эффект, что говорит в пользу зависимости русской молодежи от поддержки ближайшего окружения при выстраивании проактивного преодоления.

У южных осетин на первом этапе было выявлено три не прямых эффекта, но только два из них подтвердились на втором этапе. Пол имеет прямое отрицательное влияние и в анализе медиации, и в регрессионной модели, но подтвержден только его частичный медиационный эффект через противостояние. Выявлен небольшой эффект отрицательного влияния самообвинения на проактивное преодоление у осетинской выборки. Это говорит в пользу того, что противостояние подавляет действие самообвинения, то есть при выраженном противостоянии уменьшается самообвинение и повышается показатель проактивного преодоления. Стоит отметить, что и у южноосетинской, и у русской молодежи самообвинение не проявило себя в общей регрессионной модели. Нам кажется интересным этот факт с точки зрения культурной специфики осетин. Вероятно, критика к себе имеет значение в формировании ответственности за свои действия или выступает как элемент когнитивного анализа своих действий. Так как противостояние аффективно заряжено, то самообвинение, мы полагаем, обуславливает критику по отношению к своему поведению у «темпераментных» представителей народов Кавказа, чтобы сохранять «холодную голову» при «горячих порывах» действовать заблаговременно. В контексте этих рассуждений положительный косвенный эффект обращения за социальной поддержкой вполне объясним с точки зрения тяготения осетин к «коллективному» совладанию: когда увеличивается самообвинение за свои поступки, появляется потребность в поддержании «правильного» поведения социальным окружением. Учитывая отсутствие смены знаков коэффициентов регрессии, мы можем говорить о том, что противостояние является частичным медиатором связей между обращением за социальной поддержкой и проактивным преодолением.

Отсутствие каких-либо эффектов диспозиционного оптимизма на проактивное преодоление мы связываем с тем, что и в регрессионной модели для него не было получено значимых коэффициентов. Возможно, это связано с тем, что оптимизм проявляется перманентно и усиливает действие других значимых предикторов, в частности, противостояния и обращения за социальной поддержкой.

Мы соотнесли полученные результаты с имеющимися исследованиями русской и осетинской молодежи, и это позволило нам выделить несколько интересных моментов. Во-первых, тенденция к групповой сплоченности («коллективному совладанию») присутствует как у русской, так и у осетинской молодежи, а стратегия

противостояния этому также способствует [1; 9]. Во-вторых, у русских молодых людей в большей степени развита стратегия избегания или социального отвлечения (по сравнению с 2019 годом [3]), но у осетинской молодежи есть тенденция к проблемно-ориентированному копингу на фоне социальной поддержки (по сравнению с данными 2016–2019 годов [3; 12; 16]). В-третьих, гендерные особенности русских и осетинских этносов существенно отражаются на стратегиях совладания. Так, осетинские женщины, мало обращающиеся за социальной поддержкой, в большей степени используют позитивную переоценку событий, планирование решения проблем и фантазирование; кроме того, они менее оптимистичны [12; 14; 16]. Русские женщины реализуют разные эффективные стратегии совладания, много обращаются за помощью, больше фантазируют по сравнению с мужчинами, более оптимистичны [14; 16]. Мужская часть русской выборки менее оптимистична, склонна к самоконтролю, самообвинению и уходу от проблем в противовес осетинской, где мужчины более оптимистичны и проактивны, чаще обращаются за поддержкой, проявляя выраженное противостояние [14; 16].

Выводы

1. Предикторами проактивного преодоления для русской молодежи выступают реактивные стратегии: фантазирование и надежда на внешние силы, обращение за помощью к социальному окружению, противостояние; у южноосетинской молодежи предикторами проактивного преодоления являются пол и противостояние.

2. Противостояние является медиатором связей между проактивным преодолением и реактивными стратегиями для двух этносов. У русской молодежи фантазирование и надежда на внешние силы, а также обращение за поддержкой к социальному окружению, опосредованные противостоянием, имеют эффект частичной медиации. У осетинской молодежи самообвинение и обращение за поддержкой к социальному окружению, опосредованные противостоянием, имеют полный эффект медиации, а пол (женский) — частичный медиационный эффект. Противостояние как интегративная стратегия, сочетающая в себе эмоционально-ориентированный и проблемно-ориентированный копинги, действует по-разному в двух этносах: в русской выборке — подавляет влияние фантазирования и надежды на внешние силы на проактивное совладание, а в осетинской — снижает влияние самообвинения.

3. Тенденция к коллективному совладанию, усиливающаяся противостоянием молодежи как маркером их активной позиции, отмечена в двух этносах. Половая специфика (особенно ярко проявляющиеся в осетинской выборке по сравнению с русской) также влияет на выбор стратегий. Мы связываем это с культурными особенностями «приемлемого» поведения женщин и мужчин в России и Южной Осетии, традиционно одобряемого ближайшим окружением.

Исследование имеет **ряд ограничений**: недостаточно большая выборка не позволяет генерализовать полученные выводы; недостаточное число переменных, которые могли быть включены в качестве предикторов в регрессионную модель. Однако результаты исследования могут быть использованы в области психологической работы с молодежью с целью превенции стрессовых расстройств.

Научная значимость полученных результатов обусловлена расширением представлений о взаимообусловленности проактивного и реактивного видов совладающего поведения, культурно-специфических особенностях совладающего поведения и предикторах проактивного совладания. Дополнительный научный вклад планируется внести в последующей исследовательской работе в результате расширения системы предикторов проактивного совладания и установления культурных различий и сходств в совладающем поведении.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Белинская Е.П., Джураева М.Р. Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с жизненными трудными ситуациями: кросс-культурные различия // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 30–38. DOI: 10.116221/npj.2020.0304
2. Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А. Особенности социальной активности российской молодежи в условиях вынужденных социальных ограничений // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 182–199. DOI: 10.17759/sps.2022130411
3. Афанасьева Ю.А. Кросскультурные различия копинг-поведения среди представителей русского и осетинского этносов // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnye-razlichiya-koping-povedeniya-sredi-predstaviteley-russkogo-i-osetinskogo-etnosov> (дата обращения: 27.06.2023).
4. Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадуллина Е.Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 3. С. 192–211. DOI: 10.17759/psyclin.2018070312
5. Бехтер А.А., Гагарин А.В., Филатова О.А. Реактивное и проактивное совладающее поведение у российских студентов первого года обучения: диагностика и возможности развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Том 18. № 1. С. 85–103. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-85-103
6. Бехтер А.А., Куфтяк Е.В., Филатова О.А. Взаимосвязь временной перспективы и рефлексивности в реактивно-проактивном совладании у молодых людей (на примере ранней взрослости) // Психологические исследования. 2022. Том 15. № 85–86. С. 1–30. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1276/959> (дата обращения: 27.06.2023).
7. Битюцкая Е.В. Факторная структура русскоязычной версии методики «Опросник способов копинга» // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 138–150.
8. Битюцкая Е.В., Ханалиева Н.Н. Особенности совладания с ситуациями изменений у представителей азербайджанской культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Том 12. № 4. С. 487–506. DOI: 10.21638/spbu16.2022.407

9. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.

10. Давыдова М.О., Остапенко Р.И. Исследование связи оптимизма и совладающего поведения в период ранней взрослости // Перспективы науки и образования. 2016. № 3 (21). С. 76–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-svyazi-optimizma-i-sovladayuschego-povedeniya-v-period-ranney-vzroslosti/viewer> (дата обращения: 27.06.2023).

11. Карауш И.С., Куприянова И.Е., Дашиева Б.А. Негативные события, связанные со школьным функционированием, и их взаимосвязь с риском развития депрессии у подростков // Клиническая и специальная психология. 2022. Том 11. № 3. С. 142–166. DOI: 10.17759/cpse.2022110306

12. Крысько В.Г., Туаева К.Г. Культурно-психологическое исследование некоторых черт национального характера молодых представителей осетинского этноса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 3 (191). С. 20–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-psihologicheskoe-issledovanie-nekotoryh-chert-natsionalnogo-haraktera-molodyh-predstaviteley-osetinskogo-etnosa> (дата обращения: 27.06.2023).

13. Куфтяк Е.В. Совладающее поведение в период взросления: соотношение механизмов психологических защит, реактивного и проактивного совладания // Методология, теория, история психологии личности / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Никитиной, Н.Е. Харламенковой. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 680–689.

14. Куфтяк Е.В., Бехтер А.А., Газзаева Н.М. и др. Совладание с трудными ситуациями молодыми людьми: социокультурные различия // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. М.: изд-во МГППУ, 2022. С. 214–217.

15. Старченкова Е.С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1–2. С. 198–205.

16. Султанова З.В., Газзаева М.З. Индивидуальные смыслы жизни северных и южных осетин // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 345–348. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-smysly-zhizni-severnyh-i-yuzhnyh-osetin> (дата обращения: 27.06.2023).

17. Тарасова А.Е. Причины самоповреждающего поведения подростков и молодежи // Коллекция гуманитарных исследований. 2019. № 1. С. 21–33. URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/76/76> (дата обращения: 27.06.2023).

18. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 7–24. DOI: 10.17759/cpp.2015230402

19. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: What is it, and what is it good for? // *Child Development Perspectives*. 2007. Vol. 1. № 2. P. 68–73. DOI: 10.1111/j.1750-8606.2007.00016.x
20. *Aspinwall L.G., Taylor S.E.* A stitch in time: Self-regulation and proactive coping // *Psychological Bulletin*. 1997. Vol. 121. № 3. P. 417–436. DOI: 10.1037/0033-2909.121.3.417
21. *Brissette I., Scheier M.F., Carver C.S.* The role of optimism in social network development, coping, and psychological adjustment during a life transition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. № 1. P. 102–111. DOI: 10.1037/0022-3514.82.1.102
22. *Cabras C., Mondo M.* Coping strategies, optimism and life satisfaction among first-year university students in Italy: Gender and age differences // *Higher Education*. 2018. Vol. 75. № 4. P. 643–654. DOI: 10.1007/s10734-017-0161-x
23. *Carver C.S., Connor-Smith J.* Personality and coping // *Annual Review of Psychology*. 2010. Vol. 61. № 1. P. 679–704. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100352
24. *Carver C.S., Scheier M.F., Segerstrom S.C.* Optimism // *Clinical Psychology Review*. 2010. Vol. 30. № 7. P. 879–889.
25. *Deniz M.* The relationships among coping with stress, life satisfaction, decision-making styles and decision self-esteem: An investigation with Turkish university students // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2006. Vol. 34. № 9. P. 1161–1170. DOI: 10.2224/sbp.2006.34.9.1161
26. *Folkman S., Lazarus R.S.* An analysis of coping in a middle-aged community sample // *Journal of Health and Social Behavior*. 1980. Vol. 21. № 3. P. 219–239. DOI: 10.2307/2136617
27. *Kapikiran S., Acun-Kapikiran N.* Optimism and psychological resilience in relation to depressive symptoms in university students: Examining the mediating role of self-esteem // *Educational Sciences: Theory and Practice*. 2016. Vol. 16. № 6. P. 2087–2110. DOI: 10.12738/estp.2016.6.0107
28. *Mahmoud J.S.R., Topsy S.R., Hall L.A. et al.* The relationship among young adult college students' depression, anxiety, stress, demographics, life satisfaction, and coping styles // *Issues in Mental Health Nursing*. 2012. Vol. 33. № 3. P. 149–156. DOI: 10.3109/01612840.2011.632708
29. *Marelich W.D., Piercy B.* Optimism/Pessimism Carver and Scheier Theory / B.J. Carducci, C.S. Nave (eds.) // *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences: Models and Theories*. John Wiley & Sons Ltd, 2020. P. 299–303. DOI: 10.1002/9781119547143.ch50
30. *Martínez-Hernández A., Carceller-Maicas N., DiGiacomo S.M. et al.* Social support and gender differences in coping with depression among emerging adults: A mixed-methods study // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2016. Vol. 10. № 1. P. 2. DOI: 10.1186/s13034-015-0088-x

31. Nes L.S., Segerstrom S.C. Dispositional optimism and coping: A meta-analytic review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. № 3. P. 235–251. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_3

32. Schwarzer R. Stress, resources, and proactive coping // *Applied Psychology: An International Review*. 2001. Vol. 50. № 3. P. 400–407.

33. Starchenkova E.S. Phenomenon of proactive coping behavior in occupational health psychology // *Organizational Psychology*. 2020. Vol. 10. № 4. P. 156–183.

34. Willemsen A.M., Koot H.M., Ferdinand R.F. et al. Change in psychopathology in referred children: The role of life events and perceived stress // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49. № 11. P. 1175–1183. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2008.01925.x

References

1. Agadullina E.R., Belinskaya E.P., Dzhuraeva M.R. Lichnostnye i situatsionnye prediktory proaktivnogo sovladaniya s zhiznennymi trudnymi situatsiyami: krosskul'turnye razlichiya [Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 30–38. DOI: 10.11621/npj.2020.0304 (In Russ., abstr. in Engl.).

2. Arendachuk I.V., Usova N.V., Klenova M.A. Osobennosti sotsial'noi aktivnosti rossiiskoi molodezhi v usloviyakh vynuzhdennykh sotsial'nykh ogranichenii [Features of the social activity of Russian youth in conditions of forced social restrictions]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 182–199. DOI:10.17759/sps.2022130411 (In Russ., abstr. in Engl.).

3. Afanasyeva Yu.A. Krosskul'turnye razlichiya koping-povedeniya sredi predstavitelei russkogo i osetinskogo etnosov [Cross-cultural differences in coping behavior among representatives of the Russian and Ossetian ethnic groups]. *ANI: pedagogika i psikhologiya = ANI: Pedagogy and Psychology*. 2019, vol. 2, no. 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krosskulturnye-razlichiya-koping-povedeniya-sredi-predstaviteley-russkogo-i-osetinskogo-etnosov> (Accessed: 27.06.2022). (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Belinskaya E.P., Vecherin A.V., Agadullina E.R. Oprosnik proaktivnogo kopinga: adaptatsiya na neklinicheskoi vyborke i prognosticheskie vozmozhnosti [Questionnaire for proactive coping: Adaptation to a non-clinical sample and the predictive capability]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 192–211. DOI: 10.17759/psyclin.2018070312 (In Russ., abstr. in Engl.).

5. Bekhter A.A., Gagarin A.V., Filatova O.A. Reaktivnoe i proaktivnoe sovladayushchee povedenie u rossiiskikh studentov pervogo goda obucheniya: diagnostika i vozmozhnosti razvitiya [Reactive and Proactive Coping Behaviors in Russian First-Year Students: Diagnostics and Development Opportunities]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*,

Куфтяк Е.В., Бехтер А.А., Филатова О.А. и др.
Предикторы проактивного преодоления на этапе
ранней взрослости: кросс-культурное исследование
Клиническая и специальная психология
2023. Том 12. № 2. С. 164–191.

Kuftyak E.V., Bekhter A.A., Philatova O.A. et al.
Predictors of Proactive Coping in Early Adulthood:
A Cross-Cultural Study
Clinical Psychology and Special Education
2023, vol. 12, no. 2, pp. 164–191.

2021, vol. 18, no. 1, pp. 85–103. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-85-103 (In Russ., abstr. In Engl.).

6. Bekhter A.A., Kuftyak E.V., Filatova O.A. Vzaimosvyaz' vremennoi perspektivy i refleksivnosti v reaktivno-proaktivnom sovladanii u molodykh lyudei (na primere rannei vzroslosti) vozmozhnosti [Relationship between time perspective and reflexivity in reactive-proactive coping in young people (on the example of early adulthood)]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 2022, vol. 15, no. 85–86, pp. 1–30. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1276/959> (Accessed: 27.06.2023) (In Russ., abstr. In Engl.).

7. Bitiutskaya E.V. Faktornaya struktura russkoyazychnoi versii metodiki «Oprosnik sposobov kopinga» [The factor structure of the Russian-language version of the ways of Coping Questionnaire]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, 2014, no. 5, pp. 138–150. (In Russ., abstr. In Engl.).

8. Bityutskaya E.V., Khanaliyeva N.N. Osobennosti sovladaniya s situatsiyami izmenenii u predstavitelei azerbaidzhanskoi kul'tury [Features of coping with situations of change among representatives of Azerbaijani culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint-Petersburg University. Psychology*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 487–506. DOI: 10.21638/spbu16.2022.407 (In Russ., abstr. In Engl.)

9. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Razrabotka russkoyazychnoi versii testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) [Development of a Russian-language version of the Dispositional optimism test (LOT)]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2010, no. 2, pp. 36–64. (In Russ.)

10. Davydova M.O., Ostapenko R.I. Issledovanie svyazi optimizma i sovladayushchego povedeniya v period rannei vzroslosti [Study of the relationship of optimism and coping in early adulthood]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2016, no. 3 (21), pp. 76–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-svyazi-optimizma-i-sovladayushchego-povedeniya-v-period-ranney-vzroslosti/viewer> (Accessed: 27.06.2023). (In Russ., abstr. in Engl.)

11. Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Dashieva B.A. Negativnye sobytiya, svyazannye so shkol'nym funktsionirovaniem, i ikh vzaimosvyaz' s riskom razvitiya depressii u podrostkov [Negative events related to school functioning and their relationship with the risk of depression in adolescents]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2022, vol. 11, no. 3, pp. 142–166. DOI: 10.17759/cpse.2022110306 (In Russ., abstr. In Engl.)

12. Krysko V.G., Tuaeva K.G. Kul'turno-psikhologicheskoe issledovanie nekotorykh chert natsional'nogo kharaktera molodykh predstavitelei osetinskogo ehtnosa [Cultural and psychological study of some traits of the national character of young representatives of the Ossetian ethnic group]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2016, no. 3, (191), pp. 20–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-psihologicheskoe-issledovanie-nekotoryh-chert-natsionalnogo-harakteramolodyh-predstaviteley-osetinskogo-etnosa> (Accessed: 27.06.2023). (In Russ.)

13. Kuftyak E.V. Sovladayushchee povedenie v period vzrosleniya: sootnoshenie mekhanizmov psikhologicheskikh zashchit, reaktivnogo i proaktivnogo sovladaniya [Coping behaviour in growing up: Interrelation of defense mechanisms, reactive and proactive coping]. In A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova (eds.) *Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti = Methodology, Theory, History of Personality Psychology*. Moscow: Publ. of «The Institute of Psychology RAN», 2019, pp. 680–689. (In Russ.)
14. Kuftyak E.V., Bekhter A.A., Gazzaeva N.M. et al. Sovladanie s trudnymi situatsiyami molodymi lyud'mi: sotsiokul'turnye razlichiya [Coping with difficult situations by young people: sociocultural differences]. *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'eva = Social Psychology: Questions of Theory and Practice. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev*. Moscow: Publ. of MSUPE, 2022, pp. 214–217. (In Russ.)
15. Starchenkova E.S. Kontsepsiya proaktivnogo sovladayushchego povedeniya [The concept of proactive coping behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 2009, no. 1–2, pp. 198–205. (In Russ., abstr. In Engl.)
16. Sultanova Z.V., Gazzaeva M.Z. Individual'nye smysly zhizni severnykh i yuzhnykh osetin [Individual meanings of life of northern and southern Ossetians]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*, 2018, no. 1 (68), pp. 345–348. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-smysly-zhizni-severnykh-i-yuzhnykh-osetin> (Accessed: 27.06.2023) (In Russ., abstr. in Engl.)
17. Tarasova A.E. Prichiny samopovrezhdayushchego povedeniya podrostkov i molodezhi [Causes of self-damaging behavior of adolescents and youth]. *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy = Collection of Humanitarian Studies*, 2019, no. 1, pp. 21–33. URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/76/76> (Accessed: 27.06.2023) (In Russ., abstr. in Engl.)
18. Tolstykh N.N. Sovremennoe vzroslenie [Modern maturation]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015, vol. 23, no. 4, pp. 7–24. DOI: 10.17759/cpp.2015230402 (In Russ., abstr. in Engl.)
19. Arnett J.J. Emerging adulthood: What is it, and what is it good for? *Child Development Perspectives*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 68–73. DOI: 10.1111/j.1750-8606.2007.00016.x
20. Aspinwall L.G., Taylor S.E. A stitch in time: Self-regulation and proactive coping. *Psychological Bulletin*, 1997, vol. 121, no. 3, pp. 417–436. DOI: 10.1037/0033-2909.121.3.417
21. Brissette I., Scheier M.F., Carver C.S. The role of optimism in social network development, coping, and psychological adjustment during a life transition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, vol. 82, no. 1, pp. 102–111. DOI: 10.1037/0022-3514.82.1.102

22. Cabras C., Mondo M. Coping strategies, optimism and life satisfaction among first-year university students in Italy: Gender and age differences. *Higher Education*, 2018, vol. 75, no. 4, pp. 643–654. DOI: 10.1007/s10734-017-0161-x
23. Carver C.S., Connor-Smith J. Personality and coping. *Annual Review of Psychology*, 2010, vol. 61, no. 1, pp. 679–704. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100352
24. Carver C.S., Scheier M.F., Segerstrom S.C. Optimism. *Clinical Psychology Review*, 2010, vol. 30, no. 7, pp. 879–889.
25. Deniz M. The relationships among coping with stress, life satisfaction, decision-making styles and decision self-esteem: An investigation with Turkish university students. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 2006, vol. 34, no. 9, pp. 1161–1170. DOI: 10.2224/sbp.2006.34.9.1161
26. Folkman S., Lazarus R.S. An analysis of coping in a middle-aged community sample. *Journal of Health and Social Behavior*, 1980, vol. 21, no.3, pp. 219–239. DOI: 10.2307/2136617
27. Kapikiran S., Acun-Kapikiran N. Optimism and psychological resilience in relation to depressive symptoms in university students: Examining the mediating role of self-esteem. *Educational Sciences: Theory and Practice*, 2016, vol. 16, no. 6, pp. 2087–2110. DOI: 10.12738/estp.2016.6.0107
28. Mahmoud J.S.R., Topsy S.R., Hall L.A. et al. The relationship among young adult college students' depression, anxiety, stress, demographics, life satisfaction, and coping styles. *Issues in Mental Health Nursing*, 2012, vol. 33, no. 3, pp. 149–156. DOI: 10.3109/01612840.2011.632708
29. Marelich W.D., Piercy B. Optimism/pessimism carver and Scheier Theory. In B.J. Carducci, C.S. Nave (eds.), *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences: Models and Theories*. John Wiley & Sons Ltd, 2020, pp. 299–303. DOI: 10.1002/9781119547143.ch50
30. Martínez-Hernández A., Carceller-Maicas N., DiGiacomo S.M. et al. Social support and gender differences in coping with depression among emerging adults: A mixed-methods study. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 2. DOI: 10.1186/s13034-015-0088-x
31. Nes L.S., Segerstrom S.C. Dispositional optimism and coping: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, no. 3, pp. 235–251. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_3
32. Schwarzer R. Stress, resources, and proactive coping. *Applied Psychology: An International Review*, 2001, vol. 50, no. 3, pp. 400–407.
33. Starchenkova E.S. Phenomenon of proactive coping behavior in occupational health psychology. *Organizational psychology*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 156–183.
34. Willemsen A.M., Koot H.M., Ferdinand R.F. et al. Change in psychopathology in referred children: The role of life events and perceived stress. *Journal of Child*

Psychology and Psychiatry, 2008, vol. 49, no. 11, pp. 1175–1183. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2008.01925.x

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Описательные статистики русской молодежи (n=97)

Параметры	M	Me	SD	Sk	Ku	W	α
1. Позитивные ожидания от будущего	11,20	12,00	3,41	-0,86	0,44	0,92***	0,82
женщины	11,38	12,00	3,49	-0,86	0,44		
мужчины	10,69	11,00	3,20	-1,23	0,83		
2. Негативные ожидания от будущего	12,80	14,00	3,70	-1,36	1,25	0,91*	0,81
женщины	12,91	14,00	3,62	-1,36	1,25		
мужчины	12,72	14,50	4,34	-1,50	1,20		
3. Общий показатель диспозиционного оптимизма	24,01	25,00	6,50	-1,05	0,64	0,90***	0,83
женщины	24,27	25,00	6,45	-1,05	0,64		
мужчины	23,40	25,50	6,88	-1,19	1,05		
4. Проактивное совладание	16,66	17,00	3,52	-0,50	-0,01	0,97***	0,81
женщины	16,77	17,00	3,35	-0,50	-0,01		
мужчины	16,36	17,00	4,34	-0,42	0,76		
5. Рефлексивное совладание	14,61	15,00	4,12	-0,23	-0,96	0,92***	0,80
женщины	14,61	15,00	4,17	-0,23	-0,96		
мужчины	14,77	16,00	4,34	-0,82	-0,22		
6. Стратегическое планирование	7,60	7,00	2,52	-0,06	-0,85	0,95***	0,81
женщины	7,58	7,00	2,49	-0,06	-0,85		
мужчины	7,95	8,00	2,80	-1,39	-1,17		
7. Превентивное совладание	13,70	14,00	3,42	-0,02	-0,84	0,97***	0,81
женщины	13,84	14,00	3,42	-0,02	-0,83		
мужчины	13,59	14,00	3,86	-0,34	-0,14		
8. Поиск инструментальной поддержки	10,45	11,00	3,23	-0,11	-0,70	0,97*	0,82
женщины	10,60	11,00	3,10	-0,11	-0,70		
мужчины	9,90	10,00	3,72	0,13	-1,29		
9. Поиск эмоциональной поддержки	10,84	11,00	3,41	-0,46	0,07	0,96**	0,81
женщины	11,03	11,00	3,37	-0,46	0,07		
мужчины	10,00	9,00	3,46	0,03	-0,72		

10. Планомерное решение проблемы	16,71	17,00	4,12	-0,92	2,64	0,95**	0,78
женщины	16,48	17,00	4,08	-0,92	2,64		
мужчины	17,95	19,50	4,47	-1,48	3,24		
11. Обращение за поддержкой к социальному окружению	16,42	17,00	4,34	-1,20	2,36	0,92***	0,80
женщины	16,65	17,00	4,28	-1,20	2,36		
мужчины	15,90	17,00	4,61	-0,31	-0,34		
12. Позитивная переоценка	17,91	18,00	4,42	-1,24	2,93	0,91***	0,80
женщины	17,93	18,00	4,34	-1,24	2,93		
мужчины	17,81	18,50	4,73	-1,20	2,10		
13. Противостояние	12,34	13,00	3,00	-1,20	3,05	0,92***	0,81
женщины	12,45	13,00	2,99	-1,20	3,05		
мужчины	12,18	12,00	3,14	-0,41	1,00		
14. Самоконтроль	12,81	13,00	3,42	-0,58	0,74	0,96***	0,81
женщины	12,85	13,00	3,58	-0,58	0,74		
мужчины	12,77	14,00	3,22	-0,92	0,25		
15. Самообвинение	10,53	10,00	2,61	-0,62	1,77	0,95***	0,81
женщины	10,21	10,00	2,71	-0,62	1,77		
мужчины	11,59	11,00	2,03	-0,12	0,63		
16. Фантазирование и надежда на внешние силы	15,00	15,00	4,11	-0,69	1,53	0,96***	0,81
женщины	15,25	15,00	4,07	-0,69	1,53		
мужчины	14,31	14,00	4,62	0,22	-0,62		
17. Дистанцирование	9,61	9,00	9,22	-0,03	0,96	0,97*	0,82
женщины	9,03	9,00	2,66	-0,03	0,96		
мужчины	9,95	10,00	3,87	0,50	0,46		
18. Уход, избегание	11,40	12,00	3,20	-0,16	1,66	0,96**	0,81
женщины	11,96	12,00	3,37	-0,16	1,66		
мужчины	10,68	10,00	2,71	0,24	-1,08		

Примечание: М — среднее, Ме — медиана, SD — стандартное отклонение, Sk — асимметрия, Ku — эксцесс; W — критерий Шапиро-Уилка, * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Описательные статистики осетинской молодежи (n=103)

Параметры	M	Me	SD	Sk	Ku	W	α
1. Позитивные ожидания от будущего	11,32	11,00	3,43	-0,55	-0,44	0,94***	0,85
женщины	8,68	7,00	3,32	0,76	0,62		
мужчины	10,04	9,50	3,22	0,33	0,67		
2. Негативные ожидания от будущего	12,82	14,00	3,35	-1,23	1,39	0,87***	0,85
женщины	12,87	14,00	3,00	-1,23	0,62		
мужчины	12,85	14,00	3,74	-1,51	0,73		
3. Общий показатель диспозиционного оптимизма	24,20	25,00	5,65	-0,68	-0,12	0,94**	0,85
женщины	23,89	25,00	5,15	-0,68	0,62		
мужчины	24,75	26,50	6,28	-1,44	0,73		
4. Проактивное совладание	16,71	16,00	3,93	0,13	-0,62	0,97*	0,85
женщины	16,59	16,00	3,70	0,13	0,62		
мужчины	16,83	17,50	4,18	-0,13	0,67		
5. Рефлексивное совладание	14,54	14,00	4,11	-0,47	-0,56	0,94**	0,84
женщины	13,92	14,00	4,14	-0,47	0,62		
мужчины	15,39	16,00	4,12	-0,61	0,67		
6. Стратегическое планирование	7,46	6,00	5,31	0,28	-1,17	0,92***	0,84
женщины	6,82	6,00	2,79	0,28	0,60		
мужчины	8,00	8,00	2,59	0,11	0,67		
7. Превентивное совладание	13,98	13,00	3,88	0,14	-0,96	0,96*	0,84
женщины	12,78	13,00	3,57	0,14	0,62		
мужчины	15,33	16,00	3,71	-0,68	0,67		
8. Поиск инструментальной поддержки	9,34	7,00	3,37	0,76	-0,48	0,90***	0,84
женщины	8,68	7,00	3,31	0,76	0,62		
мужчины	10,04	9,50	3,22	0,33	0,67		
9. Поиск эмоциональной поддержки	9,92	10,00	2,93	0,19	-0,64	0,97*	0,84
женщины	9,80	10,00	2,98	0,19	0,62		
мужчины	10,20	10,00	2,94	0,33	0,67		
10. Планомерное решение проблемы	17,30	17,00	3,86	-0,49	-0,07	0,97***	0,83
женщины	16,33	17,00	3,65	-0,49	0,62		
мужчины	18,54	19,00	3,83	-0,41	0,67		

11. Обращение за поддержкой к социальному окружению	15,11	14,00	3,93	0,19	-0,37		
женщины	14,40	14,00	3,56	0,19	0,62	0,98*	0,84
мужчины	15,93	16,00	4,20	-0,03	0,67		
12. Позитивная переоценка	17,87	18,00	3,63	-0,24	-0,69		
женщины	18,14	18,00	3,68	-0,24	0,62	0,96*	0,84
мужчины	17,50	17,50	3,60	-0,12	0,67		
13. Противостояние	13,52	12,00	3,16	0,19	0,46		
женщины	12,38	12,00	2,87	0,19	0,62	0,97**	0,84
мужчины	15,00	15,50	2,79	-0,73	0,67		
14. Самоконтроль	13,06	12,00	2,87	0,09	-0,13		
женщины	12,93	12,00	3,06	0,09	0,62	0,97*	0,84
мужчины	13,12	14,00	2,67	-0,38	0,67		
15. Самообвинение	10,56	11,00	2,72	0,00	-0,70		
женщины	10,87	11,00	2,95	0,00	0,62	0,96*	0,84
мужчины	10,14	10,00	2,49	0,01	0,67		
16. Фантазирование и надежда на внешние силы	17,15	17,00	3,95	-0,06	-0,96		
женщины	17,15	17,00	3,99	-0,06	0,62	0,96*	0,85
мужчины	14,25	14,00	4,09	0,50	0,67		
17. Дистанцирование	10,49	10,00	2,70	0,43	-0,51		
женщины	10,49	10,00	2,70	0,43	0,62	0,95*	0,85
мужчины	9,12	9,00	2,81	0,48	0,67		
18. Уход, избегание	10,98	11,00	3,34	0,36	0,55		
женщины	10,98	11,00	3,34	0,35	0,62	0,95*	0,85
мужчины	11,20	11,00	2,01	0,27	0,67		

Примечание: М — среднее, Me — медиана, SD — стандартное отклонение, Sk — асимметрия, Ku — эксцесс; W — критерий Шапиро-Уилка, * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Информация об авторах

Куфтяк Елена Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХИГС); заведующая кафедрой возрастной психологии и семейного консультирования, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>, e-mail: elena.kuftyak@inbox.ru

Бехтер Анна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО ТОГУ), г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1017-558X>, e-mail: behter2004@mail.ru

Куфтяк Е.В., Бехтер А.А., Филатова О.А. и др.
Предикторы проактивного преодоления на этапе
ранней взрослости: кросс-культурное исследование
Клиническая и специальная психология
2023. Том 12. № 2. С. 164–191.

Kuftyak E.V., Bekhter A.A., Philatova O.A. et al.
Predictors of Proactive Coping in Early Adulthood:
A Cross-Cultural Study
Clinical Psychology and Special Education
2023, vol. 12, no. 2, pp. 164–191.

Филатова Олеся Анатольевна, преподаватель кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО ТОГУ), г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4948-3678>, e-mail: 0409800911@mail.ru

Газзаева Наталья Михайловна, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова (ГАОУ ВПО ЮОГУ им. А.А. Тибилова), г. Цхинвал, Республика Южная Осетия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3406-9842>, e-mail: qazzaeva70@yandex.ru

Сиукаева Елена Гурамовна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова (ГАОУ ВПО ЮОГУ им. А.А. Тибилова), г. Цхинвал, Республика Южная Осетия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-8309>, e-mail: alex-alan@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Kuftyak, PhD (Psychology), Professor of the Department of General Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of the Department of Age and Family Counseling, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>, e-mail: elena.kuftyak@inbox.ru

Anna A. Bekhter, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1017-558X>, e-mail: behter2004@mail.ru

Olesja A. Philatova, Senior Lecturer, Department of Psychology, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4948-3678>, e-mail: 0409800911@mail.ru

Natalya M. Gazzaeva, Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology, South Ossetion State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3406-9842>, e-mail: qazzaeva70@yandex.ru

Elena G. Siukaeva, PhD (Pedagogy), Head of the Department of Pedagogy and Psychology, South Ossetion State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-8309>, e-mail: alex-alan@yandex.ru

Получена: 21.05.2023

Received: 21.05.2023

Принята в печать: 27.06.2023

Accepted: 27.06.2023